

ГОГОЛЬ: УЧИТЕЛЬСКОЕ СЛОВО И МИФОЛОГИЗАЦИЯ

«Бестиарий» Гоголя, представленный в системе тропов, восходит не только к «Физиологам» или барочному зооморфизму, но и в значительной степени питается образной системой проповеднической традиции, ярким представителем которой в этом плане был Златоуст. Его животные сравнения неизменно сопутствуют характеристикам **богатого** («мертвой души»).

Разнообразные вариации Златоуста на евангельскую тему «богатого» становятся важным контекстом восприятия описаний помещичьей жизни в «Мертвых душах», т.е. нарративной организации текста. Учительный дискурс иллюстрирует действие универсального закона, поэтому он и дискурсивно и нарративно достраивает «сюжеты» помещиков, автономные описания которых тяготеют к завершению в жанре поучительного «слова» или притчи. Наиболее ошутимо – в завершающем ряд посещений Чичикова «сюжете» Плюшкина, сориентированном на «слова» о богатом и сребролюбце, с теми же внезапными метаморфозами в жизненной судьбе героя, так как сребролюбие есть «зверь» и «страсть», а «богатство есть злой предатель и изменник»¹.

Если первая стадия жизни Плюшкина спроецирована на евангельский архетип «богатого», то вторая – на «сребролюбца». Тему «сребролюбия» и «Божьего слова» эксплицирует сам Плюшкин: «... *такое сребролюбие!* Я не знаю, как священники-то не обращают на это внимание, сказал бы какое-нибудь поучение, ведь что ни говори, а против *слова-то Божия не устоишь*» [Гоголь, 1951, VI, 123]². Поэтому система предикаций и атрибутов Плюшкина, организация его среды прочитываются в системе учительного слова. 'Ветхая' одежда и 'отшельническая' жизнь Плюшкина вводят знакомую уже аллегорическую тему одежды: «Старайся не забывать значения одежды твоей, которою облечен ты был вначале» [Добротолубие, 1992, I: 106]. Сравнение Плюшкина с пауком («как *трудолюбивый паук, бегал, хлопотливо, но расторопно, по всем концам своей хозяйственной паутины*») [Гоголь, 1951, VI, 118] интертекстуально соотносится со сравнениями Златоуста:

¹ Св. Иоанна Златоустого Беседа о сребролюбии // Христианское чтение. 1836. Ч. III. С.253. См. также: Гольденберг А.Х. Традиция древнерусских поучений в поэтике «Мертвых душ»// Н.В.Гоголь и русская литература XIX века. Л., 1989. С. 45-59.

² Ср. о «демоне сребролюбия», который «берет на себя вид **эконома**» в Добротолубии [Добротолубие, 1992, I: 633].

«Ведь и **паук трудится** и **хлопочет**, и растягивает по стенам тонкие ткани <...> но его не уважают, потому что **работа его** для нас совершенно **бесполезна**: **таковы те**, которые **трудятся** и **хлопочут** только для себя» [Златоуст, 1848, I: 443.]

Евангельскими речениями инспирирована целая система мотивов (в том числе литургическая мотивика в «омертвевшем» варианте). Описание бессмысленной страсти накопления и скупости («**На что бы, казалось, нужна была Плюшкину такая гибель подобных изделий?**»), превращающих «хлеб» в «камень» («...**сено и хлеб гнили, клады и стога обращались в <...> навоз, <...> мука <...> превратилась в камень**, и нужно было ее рубить, <...> к холстам и домашним материям страшно было прикоснуться: они обращались в пыль» [Гоголь, 1951, VI, 119]), «ликер» несостоявшейся трапезы (=«вину») в 'мертвую' жидкость с «**козьяками и всякой дрянью**», а самого Плюшкина в «**изношенную развалину**» (= 'дому' с двумя «**подслеповатыми**» окнами, прочитывающимися как 'духовное око'), мотивы истребления, воровства («**В город? <...> а дом-то как оставить? Ведь у меня народ или вор, или мошенник: в день так обернут, что и кафтана не на чем будет повесить**») и др. отчетливо соотносятся с евангельскими вопросами («...какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?») [Марк, 8:36]) и наставлениями («**Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют** и где **воры** подкапывают и **крадут**; Но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляет и где воры не подкапывают и не крадут; Ибо, где сокровище ваше, там будет и сердце ваше. **Светильник** для тела есть **око**. Итак, если око твое будет чисто, то все тело твое будет светло; Если же око твое будет худо, то все тело твое будет темно. Итак, если свет, который в тебе, тьма, то какова же тьма?» [(Матф. 6:19-23)]. Еще более точная интертекстуальная связь обнаруживается с осуждением богатых в Послании Иакову апостола Павла [(5:1-6)]: «Послушайте вы, богатые: плачьте и рыдайте о бедствиях Ваших, находящихся на вас. Богатство ваше **сгнило**, и **одежды** ваши **изъедены молью**. Золото и серебро **изоржавело**, и ржавчина их будет свидетельствовать против вас и съест плоть вашу как огонь: вы собрали себе сокровище на последние дни».

В контексте учительного слова и притчеобразного повествования (о нем сигнализирует не только учительная мотивика и авторская рефлексия, равная 'слову Божьему', но и метафизический закон, драматически результирующий жизнь Плюшкина³) все детали прочитываются как тропические, имеющие отношение к «душе».

³ Логическая основа притчи, как отмечает Ю. Левин, заключается в том, что «будучи наставлением в должном, притча должна показывать последствия того или иного выбора стратегии поведения. Отсюда вытекают основные черты ее логико-повествовательной структуры: тяготение к дизъюнктивности (связанной с наличием выбора) и имплицативности (связанной с последствиями выбора)» [Левин, 1982: 49]. Ситуация выбора и последствия выбора актуализируются у Гоголя среди прочего интертекстуальностью.

Ветхость и тленность всего – от дома до «замечательного» наряда Плюшкина – изображают ветхую/мертвую душу (ср.: «**Душа** этого человека есть **риза ветхая** <...> она не обновлена верою, не возрождена благодатию Духа, <...> думает о житейском, привязана к блеску мирскому», блеск же мирской, по выражению Сковороды, и есть «тлен и рухлядь»). Обширная аллегорическая тема душевного дома негативно буквализируется в сюжете: *«все что ни попадалось ему: старая подошва, бабья тряпка, железный гвоздь, глиняный черепок – всё тащил к себе и складывал в ту кучу, которую Чичиков заметил в углу комнаты»*. Ср. с призывом Сковороды: «На что ты из твоего гнусного домишка дрянь и рухлядь таскаешь в субботы, в покои, чертоги, горницы и обители божии <...> Разуи твои сапоги дома, омой руки и ноги, оставь твое все тленное и переходи к божественным» [Сковорода, 1973, II: 51].

Плюшкин, завершая ряд помещиков, не только эксплицирует тему мертвенности, но и придает негативной антропологии Гоголя завершающие штрихи. Становится ясным, что Гоголь пытается развивать христианское учение о страстях, порабащающих душу. Поэтому каждый персонаж выступает «демоном страсти» и в этом качестве легко поддается символично-аллегорическому толкованию. Дискурсивные возможности средневековой учительной литературы, совмещенные со знакомостью барочного «вещизма», определили один из уровней поэтической антропологии.

Так, тропы учительной литературы (прямо соотнесенные с изображением человека) трансформируются в метонимические метафоры, овеществленное душевное пространство персонажа. При этом Гоголь инверсивно меняет традиционную проповедническую логику предикации в тропических конструкциях: план содержания выступает в синтаксической позиции плана выражения, аллегорическое значение опредмечивается и реализуется в сюжете. Тем самым религиозно-учительные значения переводятся в имплицитный план. «Душа», «персонаж» разворачиваются в материализованное пространство, а пространство приобретает антропоморфный характер. В результате рождается развернутая метафора овеществленной души, отчужденной от своего носителя. Так, напр., учительная метафора «человек-храм» и требование «человек должен быть храмом» материализуется в душевной метонимии Манилова (который *«большую часть размышлял и думал»*) – в *«храме уединенного размышления»* и т.п.

Вместе с тем, следует заметить, что аллегорическая антропоморфность пространства в свою очередь переплетается и соотносится с мифопоэтической семантикой, которая порождается мощными мифологизирующими функциями тропов. Учительная риторика и прагматика вступают во взаимодействие с мифологической семантизацией, которая оказывается шире по действию, перестраивая мир по законам своего языка. Эту область поэтических семантизаций и концептуализаций литературного текста блестяще описывает в своих

работах Ежи Фарино, чье «Введение в литературоведение» [Фарино, 2004]⁴ породило несколько поколений замечательных литературоведов.

Библиографический список

1. Гоголь, Н.В. Полн. собр. соч.: в 14 т. 8 Н.В. Гоголь. – М.; Л.: изд-во АН СССР, 1937-1952. – Т. VI. – М., 1951. – 924 с.
2. Добротолюбие. – М.: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1992. – Т. 1. – 640 с. – Т. 2. – 764 с.
3. Иоанн Златоуст. Беседы к антиохийскому народу. – М., 1848. – Т. I.
4. Левин, Ю. Логическая структура притчи / Ю. Левин // Труды по знаковым системам. XV. Тарту, 1982. С.
5. Св. Иоанна Златоустого Беседа о сребролюбии // Христианское чтение. 1836. – Ч. III. Св. Иоанна Златоустого Беседа о сребролюбии // Христианское чтение. 1836. – Ч. III. С.253. – С.
6. Сковорода, Г. Соч. : в 2 т. 8 Г. Сковорода. – М.: Мысль, 1973. – Т. 1. – 511 с. – Т. 2. – 486 с.
7. Фарино, Е. Введение в литературоведение: Учебное пособие / Е. Фарино. – СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2004. – 639с.

⁴ В Санкт-Петербурге готовится новое, существенно дополненное несколькими частями, второе российское издание «Введения в литературоведение» (первое вышло в Санкт-Петербурге в 2004 г. в РГПУ им.А.И. Герцена).